

М.О. ОРЛОВ, М.А. ШАТКИН

ПРИВАТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ОРЛОВ Михаил Олегович – доктор философских наук, декан философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия (orok-saratov@mail.ru); ШАТКИН Максим Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры библеистики Пензенской духовной семинарии, Пенза, Россия (shatkinma@gmail.com).

Аннотация. Рассмотрено формирование современных представлений о приватности в правовом и экономическом аспектах. Первоначальное включение понятия приватности в правовое поле было средством защиты личности от рисков вторжения государства с помощью информационных средств слежения. Совершенствование цифровых технологий и превращение персональных данных в информационный продукт приводит к представлениям о приватности как аналогу интеллектуальной собственности. В то же время в западном обществе сохраняется тенденция к пониманию элитами своей приватности как права и достоинства человека. Предполагается, что в обозримом будущем можно ожидать трансформации представлений о приватности в связи с развитием систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: приватность • частная жизнь • права человека • информационные технологии • цифровое общество • риски

DOI: 10.31857/S013216250004583-4

Тенденции в понимании приватности. Особенностью понятия приватности, которое вошло в научный оборот западных стран в 1960-х гг. [Westin, 1967], была его многозначность. Один из авторов сборника «Приватность: исчезающая ценность?» (1980) отмечал: «Приватность имеет много значений и много уровней понимания. Психологи и представители социальных наук стремятся определить ее основные свойства, но различные люди показывают различные формы опыта приватности и оценивают разные вещи в качестве частных» [Levine, 1980: 3]. Там же автор раскрывал тенденцию к избыточному раскрытию своей приватной жизни в современном обществе (что обусловлено процессами взаимной изоляции и отчуждения), а также риски для приватности со стороны информационных технологий (далее – ИТ), в том числе изобретения все более совершенных устройств слежения и сбора массивов данных о гражданах. Отметим, что те же самые темы сохраняют актуальность сорок лет спустя и продолжают активно обсуждаться [Евстифеева и др., 2016; Емелин, 2014; Пронкина, 2016].

Социальная философия XX в. акцентировала внимание на противопоставлении приватного и публичного [Арендт, 2017; Хабермас, 2005]. Эта дихотомия не принесла значительной пользы при переносе в социологию, вынуждая признавать либо свою неприменимость в конкретных социологических контекстах [Богданова, 2017], либо размывание границ между частным и публичным в современном обществе [Мельников, 2016]. В то же время риски для приватности, которые несут цифровые технологии, обусловили тот факт, что проблема приватности вошла в публичный дискурс по крайней мере с 1960-х гг. и продолжает сохраняться в качестве одной из наиболее масштабных и длительных социальных проблем [Nissenbaum, 2009: 1–2]. Возрастание рисков вмешательства в частную жизнь человека привело к тому, что приватность стала восприниматься в качестве одного из прав человека, соотносящегося с человеческим достоинством и уважением к человеческой личности [Kubis, 1980: 197; Чеснокова, 2017: 197–198], что придало этому понятию достаточно расплывчатый характер.

Под влиянием практик размещения персональной информации в сети Интернет, аккумуляции массивов данных, сгенерированных повседневными привычками, поступками и предпочтениями людей, само понятие приватности претерпевает изменения под давлением непрерывного процесса сбора данных [Lupton, 2014: 146–147]. С. Гутвирт подчеркивал контекстуальность приватности, которая не является частью реальности и существует только в различных контекстах – институциональном, социальном, культурном, религиозном, историческом и эпистемологическом. Он конкретизировал суть изменений, происходящих с приватностью, как сведение ее к персональным данным человека [Gutwirth, 2002].

Расплывчатость и многозначность понимания приватности негативно влияют на правовую и экономическую сферы общества. Отсутствие консенсуса в понимании приватности между государственными органами, социальными науками и общественным мнением приводит к принятию нормативных актов и решений, выходящих за пределы здравого смысла. Яркий пример – Общий регламент по защите данных Европейского Союза (вступил в силу с 25 мая 2018 г.), исходящий из предельно широкого понимания приватности. В нее включается изображение человека («биометрические данные»), что фактически делает незаконными случайные фотографии третьих лиц при частной уличной съемке. Рост требований к неприкосновенности частной жизни привел к тому, что новым стандартом мобильных устройств стало наличие в телефоне второй фотокамеры. Единственной ее функцией является размытие заднего плана («эффект боке») для предотвращения фиксации лиц посторонних людей. Поскольку затраты на дополнительные элементы в устройстве современных смартфонов, программное обеспечение, обеспечивающее их работу, неизбежно включаются в стоимость аппаратов, то покупатели фактически выплачивают своеобразный налог на обеспечение приватности третьих лиц, которые могут попасть в камеры их смартфонов.

Отсутствие консенсуса и общепризнанных представлений о границах приватности несет риски формирования конфликтных ситуаций. В качестве примера можно привести вторжение общественных активистов в частную жизнь людей, подозреваемых в незаконном обогащении, противодействие «автохамам», обязанность операторов сотовой связи записывать и хранить телефонные разговоры и интернет-сессии своих абонентов и т.д.

Со стороны социологии вкладом в решение задачи формирования общественного консенсуса о правовом и экономическом значении приватности может стать анализ на основе методики «case study» социальных представлений о правовом и экономическом аспектах приватности, отражающихся в конкретных правовых и экономических решениях. Далее в статье будет предложен обзор нескольких таких решений, отражающих ключевые изменения в понимании социально-правовых и социально-экономических аспектов приватности.

Социально-правовые аспекты приватности. Как отмечал З. Бауман, приватность является практическим опытом человеческой свободы [Бауман, 2006: 71]. В отличие от материальной природы частной собственности природа приватности может быть названа духовной [Nijsten, 1990: 72]. Приватность связана с полным контролем и свободой действий человека над определенными сферами своей жизни, которые не могут или не должны регулироваться государством, общественным мнением, другими людьми, и потому выражает достоинство человека и его неотчуждаемые права. В этом аспекте выражения прав, свобод и достоинства личности понятие приватности вошло в судебную практику и законодательство западных стран и через них стало общечеловеческим достоянием. Поэтому для нашего анализа наибольший интерес представляют правовые решения (и социальные представления, на которых эти решения были основаны), которые легли в основу малоизвестных в российских социальных науках правовых решений, через которые приватность стала частью общественного дискурса.

Далее будут рассмотрены материалы судебных процессов в США в XX–XXI вв., связанных со вторжением государства в приватную сферу граждан с помощью все более развитых технологий (1920-е гг. – массовое распространение телефонной связи, 1960-е гг. – электронных устройств, 2010-е гг. – мобильной передачи данных). Такой выбор обусловлен несколькими мотивами. Во-первых, США исторически являются пионерами в развитии и

внедрении цифровых технологий и первыми сталкивались с социально-правовыми проблемами, связанными с информатизацией и цифровизацией общества. Во-вторых, англосаксонское прецедентное право дает судьям право «распознавать и описывать существующие социальные нормы»¹, в связи с чем судебные решения могут рассматриваться как оперативное и логически аргументированное описание существующих социальных изменений и социальных представлений. В-третьих, судебные решения сопровождаются особыми мнениями отдельных судей, которые могут быть не согласны с вынесенным вердиктом, часто выражающими различные социальные представления. В-четвертых, для вынесения вердикта или особого мнения судьи интерпретируют современные им социальные и технологические явления с точки американской конституции, которая была создана в XVIII в. и не может быть буквально применена к отношениям и технологиям XX–XXI вв. В связи с этим от судей требуется значительный талант переинтерпретации современных им явлений и представлений с точки зрения представлений «отцов-основателей», что представляет большой интерес в качестве выражения социальной рефлексии.

В деле «Олмстед против США» (1928)² рассматривалось право полиции прослушивать телефонные разговоры преступников. Суд постановил, что прослушивание телефона не являлось физическим проникновением в охраняемую конституцией частную жизнь человека. Однако судья Брэндайс, один из авторов опубликованной в 1890 г. книги «Право на приватность», высказал мнение, что во время принятия четвертой поправки к конституции США (далее – IV поправки)³ сила и насилие были единственными доступными средствами, которые правительство могло применить для вынуждения к признанию в преступлении. Однако с развитием технологий появляются более тонкие средства для вторжения в частную жизнь, и Брэндайс задает риторический вопрос: «Может ли быть, чтобы Конституция не предусматривала защиту против такого вторжения?» IV поправка гораздо шире по охвату (чем ее буквальное изложение), поскольку отцы-основатели желали определить условия безопасности, способствующие достижению счастья. Они признали значимость духовной природы, его чувств и интеллекта, и поэтому защищали американцев в их убеждениях, мыслях, эмоциях и чувствах. Право на неприкосновенность частной жизни (the right to be let alone) – самое обширное из прав и право, наиболее ценимое гражданами. Любое незаконное вмешательство правительства в частную жизнь человека, какие бы средства ни использовались, должно считаться нарушением конституции. Поэтому судебная власть должна принять меры для того, чтобы прогресс науки и появление в распоряжении правительства все более совершенных технологий нарушения приватности не приводили к размыванию содержания IV поправки.

В материалах дела также приводится несколько высказываний о значении приватности во взаимоотношениях между государством и гражданином. Согласно одному из них, тот факт, что нарушение приватности состоялось в (благих) целях помощи полиции, не имеет значения. «Опыт должен научить нас быть настороже... больше всего тогда, когда цели правительства являются благами... Самые большие опасности для свободы скрываются со стороны незаметного вторжения усердных людей, у которых есть благие намерения, но нет разума». Согласно позиции юристов телефонных компаний, лучше, если несколько преступников избегнут правосудия, чем если частные моменты жизни всех людей будут открыты правительственным агентам».

¹ *Carpenter v. United States*, 585 U.S. ___ (2018). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/585/16-402/> (дата обращения: 18.10.2018).

² *Olmstead v. United States*, 277 U.S. 438 (1928). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/277/438/> (дата обращения: 18.10.2018).

³ «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту» [Бернам, 2006: 472].

Важным прецедентом в американской судебной практике стало дело «Катц против США» (1967)⁴, которое может быть названо решающим в формировании современных социально-правовых аспектов приватности. Истец обвинял ФБР в том, что оно подслушивало его разговоры с помощью подслушивающего устройства, расположенного на крыше телефонной будки (то есть публичного места). Судебное решение ввело важную понятийную новацию, а именно выражение «обоснованные ожидания человека о своей приватности», которое займет устойчивое место в юридической лексике США. По мнению суда, IV поправка должна распространяться на все случаи, когда человек имеет обоснованные ожидания относительно своей приватности, в том числе неприкосновенности своих телефонных разговоров. Факт закрытия двери и оплаты телефонного звонка временно превращают телефонную будку в частное пространство, и человек обоснованно ожидает недоступность содержания разговора посторонним лицам. В силу этого прослушивание телефонных переговоров должно считаться вторжением на частную территорию («обыском»), которое не может осуществляться без судебного решения.

Неочевидность расширенного толкования приватности была выражена в особом мнении судьи Х. Блэка, который считал, что современное прослушивание является аналогом физического подслушивания, которое было известно в эпоху принятия Билля о правах. Отцы-основатели не сочли нужным устанавливать право на защиту от подслушивания, поскольку слова поправки, касающиеся прав на неприкосновенность «личности, жилища, бумаг и имущества», соотносятся с идеей о материальных вещах «с размером, формой и весом», и потому подслушивание и визуальное наблюдение не входят в этот перечень. Судья упрекал Верховный суд США в том, что он непрерывно ссылается на IV поправку не столько как на закон против необоснованных обысков и задержаний, сколько как на закон, защищающий индивидуальную приватность, причем с использованием широкого, абстрактного и многозначного понятия приватности. Судья отрицал наличие некоего всеобщего права на приватность, которое давало бы суду неограниченную власть объявлять антиконституционным все, что влияет на частную жизнь граждан. «Определенно отцы-основатели, хорошо знакомые с превышением властных полномочий, не собирались предоставлять [Верховному] суду такую всемогущую законотворческую власть».

Особое мнение судьи Блэка, не поддержанное его коллегами, стало арьергардным боем права и представлений доцифровой эпохи, для которой все не вещественное – не имеющее размера, веса, формы – было несущественным для приватности. Новая же точка зрения опиралась на убеждение, что возрастающей изошренности новых ИТ должен быть противопоставлен устойчивый универсальный гуманитарный принцип, а не буквальная формулировка XVIII в. «Обоснованные ожидания приватности» стали достаточно размытым, но тем не менее популярным в американской судебной системе методом проверки соответствия действий правительства социальным представлениям о границах приватности, основанных на необходимости сохранения достоинства и свобод человека.

Третьим значимым судебным делом является «Карпентер против США» (2018)⁵. Истец оспаривал действия ФБР, которое использовало записи об истории местоположения мобильного телефона, хранящиеся у оператора сотовой связи, в качестве одного из доказательств. В соответствии с американской судебной практикой, если гражданин добровольно передает третьей стороне персональные данные, то у него нет «обоснованных ожиданий» о сохранении их неприкосновенности, в силу чего правительство может получать доступ к этим данным без судебного решения. Кроме того, существовал ряд судебных прецедентов, в которых было подтверждено право правительства устанавливать устройства слежения на автомобилях подозреваемых.

⁴Katz v. United States, 389 U.S. 347 (1967). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/389/347> (дата обращения: 18.10.2018).

⁵Carpenter v. United States, 585 U.S. (2018). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/585/16-402> (дата обращения: 18.10.2018).

Сравнивая данный случай со схожими делами 1970–1980 гг., авторы судебного решения пишут: «До цифровой эпохи правоохранительные органы... следили за подозреваемым в течение короткого срока, но делать это в течение какого-либо длительного периода времени было сложно и дорого, и поэтому было редкостью. Поэтому общество предполагало, что правительственные агенты и другие лица не хотели и не могли тайно фиксировать и хранить каждое движение автомобиля на протяжении долгого времени. Предоставление правительству доступа к записям сотовой станции противоречит этому ожиданию. Хотя такие записи создаются для коммерческих целей, это различие не отрицает ожиданий... о конфиденциальности физического местоположения». Доступ к местоположению телефона (и, соответственно, его владельца) за долгий период времени открывает «интимное окно в жизнь человека, показывая не только его отдельные движения, но через них семейные, политические, профессиональные, религиозные и сексуальные связи человека». В цифровом обществе меняются границы человеческого тела через включение в него устройств участия в цифровой среде. Сотовый телефон стал «частью человеческой анатомии», поэтому слежение с его помощью за жизнью человека не может быть сравнено с установкой специализированных подслушивающих и отслеживающих устройств.

Что касается «добровольности» передачи своих данных третьей стороне, то информация о собственном передвижении не «передается» в прямом смысле слова, а является сопутствующим и вынужденным условием телефонных разговоров, получения почты, сообщений – т.е. действий, относящихся к частной жизни человека. Поэтому позиция правительства, утверждавшего свое право на получение данных о передвижении человека, не учитывает «сейсмические сдвиги» в цифровых технологиях, которые сделали возможным отслеживание передвижений не только истца, но и каждого гражданина, и не только за короткое время, но за годы. Сотовые операторы – «это не назойливые соседи, следящие за тем, кто когда ушел и пришел: они следят за всем передвижением человека, и их память безошибочна». Вердикт суда гласит: в силу «глубины, широты, содержательности информации о местоположении сотового телефона, неизбежного и автоматического характера ее сбора», тот факт, что эта информация собирается третьей стороной, не лишает ее защиты со стороны IV поправки. Важность данного вердикта заключается в признании того факта, что реалии цифрового общества формируют новые риски и уязвимости для приватности – и в ответ на эти риски расширяется зона приватности личности.

Не меньший, чем судебное решение, интерес представляет особое мнение судьи Н. Горсача, который раскритиковал использование «абстрактного» и «теряющегося в воображении судей» выражения «обоснованные ожидания приватности» по отношению к данным, переданным третьей стороне. IV поправка защищает конкретные вещи – личность, жилище, бумаги, имущество как собственность человека, и защита не исчезает автоматически, когда имущество разделяется с третьей стороной (например, если запечатанное письмо попало третьему лицу, это не лишает отправителя письма права на то, чтобы письмо осталось запечатанным). Передача частных бумаг, имущества в третьи руки должно рассматриваться как поручительство – поручение ответственному хранителю использовать собственность в определенных целях, и только в этих целях. Персональные данные являются «в определенном смысле... современными бумагами и имуществом», поэтому передача их третьей стороне не лишает их защиты со стороны конституции. Полная собственность или исключительный контроль над ней не всегда являются необходимыми условиями для действия IV поправки (например, неприкосновенность жилища не отменяется, если оно находится в ипотеке или залоге). По мнению Горсача, такой подход полностью отличается от «контринтуитивной» ссылки на обоснованные ожидания приватности.

Горсач соглашается с судебным решением в том, что использование технологий является условием участия в современной жизни, и передача данных поэтому не является добровольной. Рассматривая некоторые законодательные акты, регламентирующие доступ абонентам сотовых операторов к данным о своих звонках и запрет на доступ к

ним третьим лицам без разрешения абонента, судья заключает, что законные интересы абонентов в отношении подобной информации могут даже подняться до уровня прав собственности.

В отличие от «контринтуитивных» «обоснованных ожиданий приватности», логика Горсача вполне «интуитивна». Приватность поглощается в персональных данных, которые фактически являются вполне измеримым информационным продуктом, а будучи информационным продуктом, может быть приравнена к интеллектуальной собственности. Такое приравнивание может осуществляться и в обратную сторону: в англоязычных текстах «защита данных» часто звучит как «data privacy», а не более корректное «data security», что размывает границу не между приватным и публичным, а между приватностью человека и безопасностью коммерческой информации.

Подведем итоги. Правовое понятие приватности вырастает в англосаксонской политической и правовой культуре, лейтмотивом которой на протяжении многих столетий было обеспечение защиты человека от произвольных насильственных действий по отношению к нему и его собственности со стороны представителей власти. Как было сказано в одном из судебных процессов 2001 г., «требуется сохранение того уровня приватности против правительства, какой был во время принятия IV поправки»⁶. Сильные традиции противостояния личности и всегда подозреваемой в злых намерениях исполнительной власти в условиях конкуренции различных ветвей власти вошли в резонанс с тем фактом, что американская конституция в своем буквальном прочтении не соответствовала технологическим условиям XX–XXI вв. Развитие понятия приватности стало компенсацией устаревших формулировок конституции. Очевидно, что в странах догоняющего развития, нуждающихся в доверии между властью и обществом и консолидации ресурсов для социальной и экономической модернизации, принятие представления о приватности как инструмента противостояния гражданина государству может привести к замедлению развития и нарастающему отставанию от лидирующих стран, в связи с чем прямое копирование американских правовых норм о приватности не является разумным.

Закономерным следствием возвышения понятия приватности до универсального права личности и его распространения на все новые сферы жизни стало включение в пространство приватности человеческого тела. «Каждый имеет право контролировать свое тело и принимать фундаментальные решения о своей жизни» [Altemimei, 2013: 643]. Правом на приватность в западной литературе обосновывается право на аборт [Nijsten, 1990: 71], добровольное прерывание жизни [Richards, 1981: 403–407] и инцест [Bratt, 1984: 266]. Продолжаются дебаты относительно того, распространяется ли право приватности на занятие проституцией, поскольку последняя хоть и относится к сексуальной, т.е. частной жизни человека, но является добровольной коммерческой сделкой, что предполагает публичное действие, в силу чего государство имеет право на ее регулирование, в том числе запрет [Allen, 1988: 173–177]. На наш взгляд, перспективы этих дебатов будут зависеть от того, будет ли признано частью приватности право человека на превращение своей приватности в предмет экономического обмена. Как было указано выше, развитие цифровых технологий подталкивает (может подталкивать) общественное мнение к материализации и коммерциализации приватности, но, как будет показано в следующем разделе, динамика развития социально-экономических аспектов приватности не является однозначной.

Социально-экономические аспекты приватности. В 2018 г. рядом с Университетом Брауна (США) было открыто кафе «Shiru Cafe», принадлежащее японским владельцам, в котором студенты университета могут получать бесплатный кофе (при условии, что кофе приобретается не на вынос) в обмен на передачу следующих персональных данных: имя, адрес электронной почты, возраст, учебная специальность и профессиональные

⁶ Kylo v. United States, 533 U.S. 27 (2001). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/533/27> (дата обращения: 18.10.2018).

интересы, – а также на «открытость для коммуникации со стороны спонсоров кафе», которые оплачивают студенческий кофе⁷.

Может показаться, что слоган «плати своими данными» свидетельствует о состоявшейся коммерциализации приватности. Чтобы избежать слишком поспешных выводов, рассмотрим социальные и экономические контексты данного факта и проведем его анализ.

1. Условием интереса «спонсоров» к персональным данным студентов является возникновение и распространение потребительского общества, одной из характеристик которого является кастомизация производства товаров и оказания услуг, индивидуализация продукта, его приспособление под нужды конкретных потребителей. Для того, чтобы товары и услуги все больше учитывали потребности покупателей, производителям необходима информация о предпочтениях покупателей, сценариях использования товаров и т.д. Кажется, что запрашиваемый спонсорами кафе перечень данных слишком узкий для того, чтобы выявить потребительские предпочтения студентов, решившихся на бесплатный кофе. Кроме того, в условиях возрастания глобальной конкуренции, увеличения количества информационных, в том числе рекламных предложений, которые получает рядовой покупатель, повышается конкуренция за его внимание. Кажется, что главной целью передачи студентами адресов своей электронной почты является гарантия их внимания к рекламе спонсоров кафе.

2. В цифровом обществе является обычным явлением передача в свободный доступ в социальных сетях более широкого спектра персональных данных (путешествия, убеждения, социальные связи и т.д.) чем те, которые интересуют спонсоров кафе. Благодаря анализу «больших данных» становится возможным вести «таргетированную» политическую и коммерческую рекламу, а также прямое манипулирование пользователями сетей, о чем свидетельствуют различные скандальные истории недавнего времени. Кажется, что для спонсоров кафе было бы эффективнее (как с точки зрения охвата студентов, так и с точки зрения объемов получаемой информации) воспользоваться открытыми данными социальных сетей вместо того, чтобы взаимодействовать с ограниченным кругом посетителей студенческого кафе.

3. Наиболее упрощенная экономическая модель, на которой строится цифровое общество – платный доступ к информационным ресурсам. Социальные сети, участие в которых для пользователей является бесплатным, привлекают средства на обеспечение собственной деятельности либо через платные сервисы и настройки, либо через рекламные сообщения в ленте (содержание которых, в свою очередь, зависит от персональных данных пользователей – возраст, пол, место проживания, образование, профессия, интересы и т.д.). Кажется, что более соответствующим реалиям цифрового общества был бы обмен прав доступа между студентами и спонсорами: взамен на доступ к персональным данным студентам спонсоры могли бы предоставить доступ к закрытым для общего доступа информационным ресурсам. Вместо этого спонсоры меняют однократное получение информации на многократное потребление кофе.

С точки зрения здравого смысла, спонсирование кофе взамен на небольшой набор персональных данных не является очевидно выгодной, рациональной и эффективной инвестицией. Вероятно, спонсоры «Shiru Cafe» опираются на другое понимание экономического значения приватности, которое мы постараемся реконструировать.

1. Потребительское, равно как и цифровое общество зародились в условиях государства всеобщего благосостояния, чей расцвет пришелся на конец 1950–1960-е гг., вплоть до либеральных реформ Р. Рейгана и М. Тэтчер. Дальнейшее социально-экономическое развитие ведущих стран сопровождается возрастанием неравенства доходов как внутри западных обществ, так и между развитыми странами и остальным миром⁸. В обществе с увеличивающейся экономической поляризацией разные группы потребителей имеют для

⁷ Ambrose G. Free Coffee – with a Catch – Is Coming to Massachusetts. URL: <https://www.bostonglobe.com/lifestyle/food-dining/2018/07/14/free-coffee-with-catch-coming-massachusetts/gLnblqpurUmyzTHzmiobNL/story.html> (дата обращения: 18.10.2018).

⁸ World Inequality Report 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/> (дата обращения: 18.10.2018).

производителей товаров и услуг разную ценность, а некоторые вовсе ею не обладают. В «Shiru Cafe» закрыт доступ для тех, кто не имеет отношения к университету Брауна, и возможность бесплатно приобрести кофе имеют только студенты: преподаватели не представляют интереса в качестве объектов инвестиций. Поэтому узость запрашиваемых спонсорами данных компенсируется социальным «качеством» потенциальных покупателей и работников, обучающихся в одном из самых престижных вузов США: доступ к ним является более «ценным», чем к студентам менее известных вузов из менее развитых стран или другим «рядовым потребителям».

2. Мотивами передачи персональных данных пользователями социальных сетей являются⁹:

а) необходимость самоидентификации и отличия себя от других людей с такими же именем и фамилией для использования цифровой среды как сравнительно дешевого (по сравнению с телефонными звонками и отправкой SMS) канала общения с близкими и друзьями. Распространение с 2015–2016 гг. приложений, главной функцией которых является обмен сообщениями через Интернет («мессенджеры», относящиеся к приватным каналам общения, так называемым «dark social»¹⁰) привело к уменьшению аудитории социальных сетей, которое началось в 2016 г.¹¹;

б) потребность в самовыражении, рассказе друзьям и близким (или всем желающим в зависимости от настроек приватности) о событиях своей жизни, политических и религиозных взглядах и поиске людей со схожими интересами для общения, получении социального признания, которое часто недоступно или ограничено в повседневной жизни;

в) потребность в получении культурно-развлекательных материалов, новостей о событиях в жизни родных, близких, друзей, бывших романтических партнеров или спутников жизни, родственников и свойственников для последующего использования этих новостей в качестве неисчерпаемого информационного ресурса для поддержания коммуникаций с близким кругом общения.

Свободно выкладываемая пользователями соцсетей приватная информация при ее агрегировании в рамках «больших данных» представляет большой интерес политическим и экономическим силам в качестве информационного ресурса для принятия решений, направленных на получение политической или экономической выгоды. Цели получения выгоды вступают в противоречие с некоммерческими мотивами размещения персональной информации, связанными с самовыражением, общением и поиском друзей, то есть с реализацией социальной природы человека. Возмущение действиями различных «аналитиков» и их заказчиков вызвано не столько соображениями безопасности (насколько известно, никто из пользователей социальных сетей в этих скандалах не пострадал), сколько тем, что свободно предоставленные данные стали инструментом, чтобы превратить общение и самовыражение из цели существования соцсетей в средство достижения частных интересов.

Спонсоры «Shiru Cafe» обошли стороной перспективную, но ставшую ассоциироваться с рисками тему «больших данных»: в опроснике, который заполняют студенты, нет пункта об аккаунте в социальных сетях. Спонсоры претендуют на прямые приватные каналы общения («dark social»), подчеркивая отсутствие манипуляторных намерений и уважение к достоинству студентов.

3. Обращаясь к вопросу об обмене приватной информацией студентов университета Брауна на бесплатный кофе, а не, к примеру, доступ к образовательным и иным информационным ресурсам или же питательный сэндвич, следует учитывать сложившееся к началу

⁹ В качестве эмпирической базы анализа мотивов использованы материалы социологического опроса «Социальные сети», проведенного Левада-Центром в январе 2018 г. URL: <https://www.levada.ru/2018/03/06/sotsialnye-seti/> (дата обращения: 18.10.2018).

¹⁰ Другие варианты перевода – «темная социальность», «темные соцмедиа», – на наш взгляд, придают феномену излишние мистические или криминальные коннотации.

¹¹ Tuchinsky P. Social Media App Usage down across the Globe. URL: <https://www.similarweb.com/blog/social-media-usage> (дата обращения: 18.10.2018).

XXI в. значение кофе как символического напитка социальной коммуникации. Будучи безалкогольным и тонизирующим, но в то же время не прохладительным, общедоступным, но не дешевым напитком, кофе стал атрибутом как одиноких интеллектуальных занятий, так и поводом для романтических свиданий и сдержанных дружеских встреч людей, внимательно следящих за сохранением своего социального достоинства. Ассоциируясь с уединением (индивидуальным, в окружении посетителей кафе, в узком кругу друзей), сдержанностью и работоспособностью, кофе стал наиболее подходящим **не-экономическим** эквивалентом приватности, поделиться которой приглашают спонсоры «Shiru Cafe». С этой точки зрения следует говорить не о полномочном «обмене» приватности на кофе, а о приглашении к дружеской беседе и просьбе «рассказать немного о себе».

Набор данных, которые запрашиваются в кафе, состоит из трех частей: минимальная информация, нужная для идентификации человека (имя, возраст); минимальная информация о приватном канале связи (электронная почта, в некоторых публикациях о кафе добавляется номер телефона); информация, позволяющая предположительно определить будущее место студента в социальной структуре общества (в том числе в социальной иерархии) – специальность и профессиональные интересы. Поскольку речь идет о данных студентов престижного университета, то доступ к приватной сфере означает возможность определить потенциальную социальную ценность студента, его возможное место в социальной структуре и социальной иерархии будущих лет. Для возможных работодателей, поставщиков или заказчиков услуг такой доступ ценнее обеспечения прямого доступа к еще одному рядовому адресату рекламных сообщений.

История «Shiru Cafe», в которой бизнес устанавливает приватные коммуникации со студентами престижного университета, показательна для наступающего цифрового общества. Приватность приобретает социально-экономическое значение не тем, что становится подобием частной собственности (от намеков на что тщательно отмежевываются спонсоры), а тем, что становится одним из аспектов нарастающего цифрового неравенства [Шабашев, Щербакова, 2016], разделяющим тех, чья приватность (и доступ к ней) ценна и интересна, и тех, чьи приватные данные могут быть кому-то важны только в качестве элемента «больших данных». Приватность в цифровом обществе несет в себе риск – но это не риск стать строкой в массивах больших данных, а более сложный риск того, что высшие слои общества будут транслировать идею приватности как свободы и достоинства человека только для того, чтобы лишить тех, чья приватность – это только строка, каких-либо экономических прав на эту строку, обесценивая ее.

Перспективы приватности. Демократизация и борьба за уменьшение присутствия государства в западных обществах, передача человеку права контроля над принятием ключевых решений своей жизнью как обоснование права на отклонение от традиционных социальных норм, попытки рассматривать приватность в рамках дихотомии приватного и публичного или в рамках безопасности данных, распространение социальных мифов о всемогущих хакерах, шантажирующих пикантными сведениями о частной жизни, записанными через видеокamеры цифровых устройств, – все эти разноплановые тенденции и события в социальной истории последнего столетия не позволяют сформироваться четкому и однозначному понятию приватности. В то же время необходимо помнить, что основным толчком к экспансии понятия приватности в правовом поле и общественном сознании послужило развитие ИТ, обеспечивающих новые возможности вмешательства в частную жизнь человека. Поэтому можно предположить, что будущее представлений о приватности связано с новыми этапами развития цифровых технологий. Вопрос о содержании и границах приватности уже сегодня ставится распространением «умных домов» и («голосовых помощников» – обретающих социальность систем искусственного интеллекта (ИИ), внимательно слушающих каждое слово человека в поисках голосовых команд. Сегодня зачаточное состояние ИИ пока приводит скорее к курьезам, чем к серьезным проблемам неприкосновенности частной жизни, но прогресс не останавливается. Скоро законодателям и судьям придется принимать решения о праве ИИ на осмысление значения приватных действий человека и

их оценки. Должен ли «умный дом» сообщать о том, что его хозяин изготавливает психоактивные вещества? Если это будет его свободное решение, не обусловленное программой, какое правовое значение оно будет иметь? Будет ли в тех странах, где введена система социальных рейтингов (аналогичная китайской), считаться приватной информация о рейтинге гражданина? Наконец, при регистрации в информационных ресурсах для доступа к цифровому контенту, будет ли количество получаемых информационных благ одинаковым или различным по степени того, насколько приватный канал связи с тем или иным пользователем будет ценным для владельцев ресурсов или их спонсоров?

Эти новые вопросы относительно правовых и экономических аспектов приватности, на наш взгляд, представляют перспективное и богатое аргументами и взглядами поле для социологических исследований и дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем, 2017.
- Бауман З. *Свобода*. М.: Новое издательство, 2006.
- Богданова Е. Граница между публичным и частным в звуковом сообществе: исследование современного российского села // *Laboratorium*. 2017. № 9 (1). С. 4–29.
- Бернам У. *Правовая система США*. 3-й вып. М.: Новая юстиция, 2006.
- Евстифеева Е.А., Майкова Э.Ю., Козлов А.Г. Приватность в эпоху вовлеченности // *Власть*. 2016. Т. 24. № 1. С. 36–40.
- Емелин В.А. Утрата приватности: идентичность в условиях технологического контроля // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 2. С. 19–26. DOI: 10.11621/npj.2014.0203.
- Мельников М.В. *Приватное и публичное в историческом процессе. Теоретико-социологический анализ: монография*. Новосибирск: НГТУ, 2016.
- Пронкина Е.С. Режимы публичности и приватности в социальных медиа // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 4. С. 315–319. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.28.
- Чеснокова Л.В. Право на приватность как необходимый аспект человеческого достоинства // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 6(80). Ч. 1. С. 196–199.
- Шабашев В.А., Щербакова Л.Н. Тенденции цифрового неравенства/равенства в современном мире // *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 3–12.
- Хабермас Ю. *Политические работы*. М.: Практикс, 2005.
- Allen A.L. *Uneasy Access: Privacy for Women in a Free Society*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1988.
- Altemimeï D. Prostitution and the Right to Privacy: a Comparative Analysis of Current Law in the United States and Canada // *Illinois Law Preview*. 2013. No. 2. P. 625–660.
- Bratt C.S. Incest Statutes and the Fundamental Right of Marriage: Is Oedipus Free to Marry? // *Family Law Quarterly*. 1984. Vol. 18. No. 3 P. 257–309.
- Richards D.A.J. Constitutional Privacy, the Right to Die and the Meaning of Life: A Moral Analysis // *William and Mary Law Review*. 1981. Vol. 22. No. 3. P. 327–419.
- Gutwirth S. *Privacy and the Information Age*. Lanham/Boulder/New York/Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2002.
- Kubis J.F. Some Problems of Privacy and Surveillance in a Technological Age // *Privacy: a Vanishing Value?* / Ed. by W.C. Bier. New York: Fordham University Press, 1980. P. 193–229.
- Lewis M.H. Privacy in the Tradition of the Western World // *Privacy: a Vanishing Value?* / Ed. by W.C. Bier. New York: Fordham University Press, 1980. P. 3–21.
- Lupton D. *Digital Sociology*. London and New York: Routledge, 2014.
- Nijsten M. *Abortion and Constitutional Law. A Comparative European-American Study*. Florence: European University Institute, 1990.
- Nissenbaum H. *Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
- Westin A.F. *Privacy and Freedom*. New York: Atheneum, 1967.

Статья поступила: 09.11.18. Принята к публикации: 21.12.18.

SOCIO-LEGAL AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF PRIVACY

ORLOV M.O.*, SHATKIN M.A.**

*Saratov State University, Russia; **Penza Theological Seminary, Russia

Michail O. ORLOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dean of the Faculty of Philosophy, Saratov State University, Saratov, Russia (orok-saratov.gov.ru); Maxim A. SHATKIN, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Penza Theological Seminary, Penza, Russia (shatkinma@gmail.com).

Abstract. The article considers the history of formation of the concept of privacy, as well as peculiarities of understanding of this phenomenon in modern society in legal, economic and social context. The main historical stages of transformation of the concept of privacy are highlighted. The judicial processes connected with protection of private life, which were held in XX–XXI centuries in the USA, are considered. The example of the American legal model established that the initial inclusion of privacy in the legal field was a means of protecting the individual against possible invasion of privacy. In the context of the analysis of modern understanding of privacy, it is proved that the improvement of digital technologies and digitization of personal data together with the possibility of their automatic collection and processing leads to notions of privacy as an analogue to intellectual property of the individual. Personal data is increasingly becoming a commodity for client-oriented companies. At the same time, Western society still tends to understand the elites' privacy as human rights and dignity. The analysis of the development prospects of the digital society gives reason to believe that in the near future it is possible to expect appreciable influence of transformation of artificial intellect systems on understanding of privacy.

Keywords: privacy, human rights, information technology, digital society, risks.

REFERENCES

- Allen A.L. (1988) *Uneasy Access: Privacy for Women in a Free Society*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield.
- Altemimei D. (2013) *Prostitution and the Right to Privacy: a Comparative Analysis of Current Law in the United States and Canada*. Illinois Law Preview. No. 2: 625–660.
- Arendt H. (2017) *Vita Activa or about Active Life*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Bauman Z. (2006) *Freedom*. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.)
- Bogdanova E. (2017) Rethinking Public and Private in an Acoustic Community: Investigation of Contemporary Russian Village. *Laboratorium*. No. 9(1): 4–29. (In Russ.)
- Bratt C.S. (1984) Incest Statutes and the Fundamental Right of Marriage: Is Oedipus Free to Marry? *Family Law Quarterly*. Vol. 18. No. 3: 257–309.
- BurnhamW. (2006) *Legal System of the United States*. 3rd ed. Moscow: Novaya justitia. (In Russ.)
- Chesnokova L. (2017) The Right to Privacy as a Necessary Aspect of Human Dignity. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Juridical Sciences, Culturology and Art Studies. Theory and Practice Issues]. No. 6. Vol. 2: 196–199. (In Russ.)
- Emelin V.A. (2014). Loss of Privacy: Identity in the Context of Technological Control. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 2: 19–26. (In Russ.)
- Evstifeeva E. et al. (2006) Privacy in the Era of Engagement. *Vlast* [Power]. Vol. 24. No. 1: 36–40. (In Russ.)
- Gutwirth S. (2002) *Privacy and the Information Age*. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Habermas J. (2005) *Political Works*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Kubis J.F. (1980) Some Problems of Privacy and Surveillance in a Technological Age. In: Bier W.C. (ed.) *Privacy: a Vanishing Value?* New York: Fordham University Press: 193–229.
- Levine M.H. (1980) Privacy in the Tradition of the Western World. In: Bier W.C. (ed.) *Privacy: a Vanishing Value?* New York: Fordham University Press: 3–21.
- Lupton D. (2014) *Digital Sociology*. London; New York: Routledge.
- Melnikov M.V. (2016) *Private and Public in the Historical Process. Theoretical and Sociological Analysis*. Novosibirsk: Izdatelstvo NGTU. (In Russ.)
- Nijsten M. (1990) *Abortion and Constitutional Law. A Comparative European-American Study*. Florence: European University Institute.
- Nissenbaum H. (2009) *Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Pronkina E.S. (2016) Public and Private Modes in Social Media. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 4: 315–319. (In Russ.)

- Richards D.A.J. (1981) Constitutional Privacy, the Right to Die and the Meaning of Life: a Moral Analysis. *William and Mary Law Review*. Vol. 22. No. 3: 327–419.
- Shabashev V.A., Shcherbakova L.N. (2016) Trends of the Digital Divide/Equality in Contemporary World. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–12. (In Russ.)
- Westin A.F. (1967) *Privacy and Freedom*. New York: Atheneum.

Received: 09.11.18. Accepted: 21.12.18.